

Обезболивающее обладало седативным эффектом. Убаюканный размеренным массажем, Юань Хэн сам не заметил, как провалился в небытие. Внезапно вздрогнув, он распахнул глаза. За окном минивэна царила непроглядная тьма, а Сяо Цзыюя и след простыл.

Выбрал же момент, когда боль одолевала и воля ослабла, чтобы устроить проверку...
Маленький паршивец, никакой совести.

Юань Хэн взглянул на свою ладонь — казалось, он всё ещё ощущал прохладу чужих пальцев. Лекарство наконец подействовало: острая, режущая боль сменилась глухим тупым гулом. Она не ушла окончательно, просто чувства притупились под действием анестезии.

Накинув одежду, он вышел из машины. Тан Линь со съёмочной группой уплетали порционные обеды, уткнувшись в сценарий. Заметив его, режиссёр окликнул:

— Видим, ты прилёг, вот и не стали тревожить. Присоединишься?

Юань Хэн отмахнулся, высыпал в рот пару мятных леденцов и принялся разжёвывать. Кусок в горло не лез.

Сегодня предстояли ночные съёмки сцены, где Линь Бувэй поджигает деревню. Режиссёр Тан бегло пробежался с актёрами по мизансцене, после чего владыку демонов вместе с его призрачной свитой отправили в гримёрку.

Гримёрша сразу заметила покраснение на его лице:

— Учитель Юань, у вас тут аллергическая реакция. Когда буду крепить парик, постараюсь не задеть это место.

— Хорошо, — Юань Хэн потёр щеку. Сейчас он ничего не чувствовал. А ведь когда прикасался Сяо Цзыюй, кожа горела огнём.

— Не трогайте, — остановила его гримёрша. — Вернётесь в отель, смойте всё и помажьте эритромициновой мазью, к утру как рукой снимет.

По сюжету Линь Бувэй страдал от терзавших его внутренних демонов и периодически погружался во тьму. Чтобы визуально отделить эти состояния, грим для «демонической» фазы делали более агрессивным, добавляя алые контактные линзы. Юань Хэн послушно отдался в руки мастеров: закрепление макияжа, укладка парика и нанесение искусственной крови шли одновременно. Кровь в реквизите выглядела слишком натурально — даже на голодный желудок вид этого густого красного месива вызывал лёгкое тошнотворное чувство.

— Учитель Юань, не сидите с таким мрачным видом, мне аж жутко, — ассистентка по площадке поёжилась и потёрла плечи.

Юань Хэн растянул губы в улыбке — углы рта взметнулись в хищном оскале, но взгляд остался ледяным и пустым, отчего вид его стал ещё более зловещим.

— Линь Бувэй — главный псих нашего проекта, — усмехнулась гримёрша.

Девушка, наносившая «кровь», подала голос:

— Будь настоящий Линь Бувэй таким красивым, я бы первую рухнула на колени и умоляла взять меня в призрачные прислужники!

Даже Тан Линь не выдержал:

— Вы в киноиндустрии не первый день, красивых людей видали сотнями. Имейте же гордость!

— Так ведь роль Учителя Юаня — эксклюзив! Снимется — и ищи-свищи, — воспользовавшись моментом, гримёрша решила закинуть удочку. — Учитель Юань, вы после этого фильма не планируете полноценно вернуться на сцену?

Юань Хэн ответил с лёгкой, полушутливой интонацией:

— Не исключено.

В этой сцене задействовали тросы. Юань Хэн взмыл в ночную тьму и ловко опустился на крышу. Лишь когда он выпрямился, навстречу один за другим начали поднимать его «призрачных слуг», едва поспевавших за его темпом.

Юань Хэн взвесил в руке Клинок Созерцания Луны. Когда он поднял взгляд, от его прежнего «я» не осталось и следа — на лице заиграла жестокая, кошмарная ухмылка:

— Что ж, поглядим, куда теперь сбежит Дэн Фэн.

По мнению Юань Хэня, обращение Линь Бувэя в демона заключалось вовсе не в гриме, хотя в сценарии это состояние описывалось лаконично: «неукротимое безумие». В его и без того тёмном взгляде проскользнула бесовская поволока, зрачки сузились, а по взгляду прошла едва заметная дрожь. Сжатые губы, отсутствие наигранной мимики — каждое движение лицевых мышц работало на единый образ. Это была чистая, хаотичная ярость человека, поглощённого собственным безумием.

За режиссёрским пультом Тан Линь до хруста сжал рупор. Актёрская игра завораживала. Кем бы ни был Юань Хэн на экране — благородным героем или законченным злодеем, — зритель влюблялся в него без памяти, ведь он умел отыскать в любой роли неповторимый магнетизм.

Резким движением сбросив с плеч плащ, Линь Бувэй дал волю долго сдерживаемому аффекту. Он словно заставил тросы исчезнуть — камнем ринулся с крыши вниз и мёртвой хваткой вцепился в горло случайного деревенского:

— Где Дэн Фэн?!

Не дожидаясь ответа, он сжал пальцы сильнее. Актёр массовых сцен промычал что-то невнятное, его глаза вылезли из орбит, а взгляд затуманился предсмертным бредом. Спустя мгновение голова бедняги бессильно повисла.

В кадре Юань Хэн переродился. Исчезла спокойная выдержка, испарился аристократический лоск — облекшись в личину владыки демонов, он до последней капли стал Линь Бувэем. Или, быть может, съёмочная площадка давала ему редкую возможность сбросить оковы и выпустить на волю зверя, таившегося в глубине души.

У Линь Бувэя были свои демоны. У Юань Хэня — свои.

Когда отсняли дубль, ладонь Тан Линя, сжимавшая микрофон, покрылась испариной. Всё прошло гладко; часы перевалили за полночь, но сонливости никто не ощущал. Некоторым людям от рождения предназначено актёрское ремесло: среди всех, с кем работала съёмочная группа, Юань Хэн быстрее всех вживался в образ.

— Какая экспрессия! — Тан Линь ткнул пальцем в монитор. — Я уж грешным делом подумал, ты его насмерть задушишь.

Пострадавший статист, потирая шею, добродушно ухмыльнулся:

— Брат Юань почти не давил, но от его взгляда у меня поджилки затряслись! Вжился в роль без всяких усилий.

Юань Хэн отбросил реквизитный клинок — пальцы сводило судорогой, они едва разгибались. Ледяной взгляд был лишь ширмой, за которой он пытался скрыть дикую, раскалывающую череп боль. Она накрыла его на середине сцены, въедаясь в самые глубокие нервные окончания.

— Всем спасибо, сворачиваемся! — Тан Линь отправил ассистентов за ночным перекусом. — Учитель Юань угощает всех рисовыми клёцками в сладком вине! Перекусите перед уходом, согрейтесь.

Юань Хэн не прикоснулся к угощению и решительным шагом направился к машине. Чжэн Хун, увидав его состояние, мгновенно понял: дело плохо. Он быстро завёл двигатель:

— Если голова раскалывается, не засиживайся за документами, сразу ложись. Благо «Вани»

тут совсем рядом...

— В «Вани» не поедem, — сжав зубы с такой силой, что защёлкали желваки, процедил Юань Хэн. Ему с трудом давалось каждое слово. — В гостиницу съёмочной группы.

Посреди ночи в обычную гостиницу?! Чжэн Хун опешил. Впрочем, туда действительно было ближе. Он развернул автомобиль:

— Зачем туда?

— К Сяо Цзыюю, — Юань Хэн давил большим пальцем на висок, не в силах сообразить более убедительную причину. — Заберу свой свитер.

Видя, как тот корчится от боли, Чжэн Хун проглотил вертевшееся на языке «Ты в своём уме?». Ехать за свитером в глухую ночь... Сяо Цзыюй пахал весь день, нормальные люди в такое время давно спят.

Он затормозил у входа. В окне третьего этажа — комната 305, принадлежавшая Сяо Цзыюю — вопреки ожиданиям горел свет.

Что ж, видно, сумасшедшие ночные вылазки — это у них семейное. Чжэн Хун мотнул головой наверх:

— Помню его номер. Вот та светящаяся окном комната.

Юань Хэн хлопнул дверью и шагнул в темноту.

Сяо Цзыюй крутился с боку на бок, обнимая одеяло и не в силах сомкнуть глаз. Стоило зажмуриться, как перед взором вставало лицо Юань Хэня — его нахмуренные брови и сдержанная, молчаливая боль.

В этом мире у Юань Хэня тоже были головные боли.

Сяо Цзыюй попытался восстановить в памяти прошлые дни: приступ хвори у Юань Хэня впервые случился лишь после того, как его заключили под домашний арест. Тогда его удар мечом чуть не пронзил сердце наследного принца; Его Высочество пролежал без сознания несколько дней и лишь спустя полмесяца смог с трудом встать с постели.

Пока принц был прикован к ложу, Сяо Цзыюй томился в темнице. В те времена Юань Хэн уже

сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Министр финансов, мечтавший выдать дочь за наследника, давно испытывал неприязнь к Мужу-правителю и решил морить его голодом и холодом, дабы вытравить всякую память об изнеженном фаворите.

Сухое подземелье сменилось водной тюрьмой. Сяо Цзыюя приковали цепями среди стоячей, ледяной жижи. Зачув сырьость, ядовитые черви Гу с удвоенной силой впились в плоть. От невыносимой муки он едва не лишился рассудка, буквально за считанные дни превратившись в обтянутый кожей скелет.

Черви Гу были порождением тайных искусств юго-запада; снадобье, способное утихомирить их, ведал лишь правитель Шу. Три дня Сяо Цзыюй корчился в мучениях посреди водной могилы, а на четвёртый окончательно провалился в небытие.

До сих пор Сяо Цзыюй помнил то жуткое выражение, что исказило лицо Юань Хэня:

— Кто дерзнул по собственному разумению затворить Мужа-правителя?

Даже после покушения Юань Хэн не лишил его титула и не сбросил с пьедестала.

Старый министр, смертельно побледнев, дрожал на коленях:

— Преступный раб Сяо Цзыюй покусился на жизнь Вашего Высочества! Ему нет прощения! Вашему Высочеству ни в коем случае нельзя держать подле себя подобную гадину...

Он не успел договорить — сокрушительный удар ноги отбросил его к стене. Юань Хэн ещё не оправился от тяжёлой раны, иначе этот удар стал бы для чиновника последним.

Гнев Наследного принца был страшен: досталось всем — от сановников шести министерств до последних стражников. Властолюбивого министра лишили чинов и сослали на дикие окраины. Двор зашумел ещё громче, искренне не понимая, зачем Юань Хэн сохраняет жизнь государственному преступнику.

От яда Гу не было спасения. В первые месяцы заточения Сяо Цзыюй ежедневно искал смерти. Желая сломить его дух и подвергнуть унижению, Юань Хэн спаивал его дурманящими снадобьями с Запада, сковывал железными цепями и тяжёлыми кандалами, и даже велел доставить во дворец искусно сработанные постыдные утехы...

То была жестокая месть за предательство. Для Сяо Цзыюя не было кары страшнее, чем стелиться под наследника вражеского государства, беспомощно наблюдая, как тот восходит на престол, а конница Великого Лян топчет его родную землю.

Так продолжалось до тех пор, пока Юань Хэн не переступил черту. Сяо Цзыюй едва не задохнулся, заходясь в затяжном кашле, а затем его рвотой выплеснулась кровь, и он без

чувств рухнул на подушки. Лишь тогда принц осознал, что болезнь пленника никуда не ушла — тот просто давил в себе невыносимую муку, не желая показывать и капли слабости перед врагом.

С того дня Юань Хэн приказал снять с него цепи и перестал истязать его плоть. Он созвал лекарей, а когда придворные эскулапы оказались бессильны, пообещал щедрую награду знахарям и чернокнижникам со всех уголков земли.

Через его покои вереницей потянулись даосы, шаманы, монахи и колдуны. А затем Юань Хэн велел ежемесячно поить его невероятно горькими пилюлями с тошнотворным, металлическим привкусом крови. Сяо Цзыюй принимал их несколько месяцев подряд, и черви Гу затихли. Тогда он понял: Юань Хэн лишь цепляется за его жизнь, не давая ей угаснуть.

Преданный всем светом, Юань Хэн органически ненавидел измену и ни за что не позволил бы ему умереть легко. Чем сильнее Сяо Цзыюй погружался в апатию, тем изощрённее принц изводил его, доводя до безумия, лишь бы вытравить холодную отрешённость и заставить его лик вспыхнуть румянцем вождения.

Но именно тогда на Юань Хэня впервые напал странный недуг. Ему всё чаще досаждали головные боли, нрав принца становился всё более вспыльчивым, а поступки — непредсказуемыми и жестокими. Весь Восточный дворец трепетал от страха, боясь совершить малейшую оплошность и сложить голову на плахе.

Какая-то важная, ускользающая мысль мелькнула на краю сознания, но исчезла прежде, чем Сяо Цзыюй успел её ухватить.

Он лежал с закрытыми глазами, погружённый в хаос сменяющих друг друга картин: эпоха Великого Лян мешалась с современным миром, репетиции в театральной труппе — со стуком хлопушки на съёмочной площадке. В полусне наставник с рупором режиссёра Тана орал на них за лень, а Ло Ли разгуливал по Восточному дворцу, угощая евнухов и служанок порционным фастфудом.

Не выдержав бредовых сновидений, Сяо Цзыюй поднялся с постели и решил позаниматься. Поскольку к ночи память подводила, он достал прописи и принялся выводить упрощённые иероглифы.

Он не успел дописать и строки, как оставленный на подушке телефон разразился оглушительной трелью, заставив его вздрогнуть.

Зачем Юань Хэн звонит в столь поздний час? Вспомнив о ночных съёмках, Сяо Цзыюй испугался, уж не стряслось ли чего на площадке, и снял трубку:

— Юань Хэн?

Голос в динамике звучал глухо, с хрипотцой, будто доносился из тумана:

— Чем занимаешься?

Сяо Цзыюй не захотел признаваться в бессоннице:

— Сплю.

— Спишь с включённым светом?

Сяо Цзыюй подбежал к окну, но внизу царил непроглядная тьма:

— Ты где?

— Открывай, — произнёс Юань Хэн.

<http://bllate.org/book/20597/2145854>